

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Е.В. Балацкий

д. э. н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва)

Н.А. Екимова

к. э. н., доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ РАЗВИТИЯ В РОССИИ: ФИНИШ ИЛИ РЕСТАРТ?¹

Аннотация. Масштабные международные санкции, наложенные на Россию в 2022 г. из-за специальной военной операции на Украине, обострили проблему экономического роста и инвестиционного голода. Эти проблемы были призваны хотя бы отчасти решить создаваемые уже 20 лет региональные корпорации развития (РКР). В статье предпринята попытка дать оценку деятельности данного института регионального развития в широкой ретроспективе. Для этого используются три волны авторского Рейтинга информационной открытости РКР России за 2016, 2020 и 2022 гг. Расчёты показывают, что российский рынок РКР пришёл к количественному и качественному насыщению, когда ни число подобных структур, ни результативность их работы уже не растут. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о финише движения РКР России в его нынешней форме и их неспособности решать масштабные вызовы 2022 г. Вместе с тем накопленная практика функционирования РКР позволяет обнаружить намечающийся рестарт их деятельности на несколько иной основе — в качестве проектных офисов для вовлечения жителей регионов в построение так называемого народного капитализма. Широкая манифестация приоритетных проектов региона, пользующихся поддержкой местных властей, позволяет предоставить классу инвесторов большой выбор и привлечь широкие слои населения к инвестированию в предприятия реального сектора на долевой основе.

Ключевые слова: *региональная политика, корпорации развития, институты регионального развития, рейтингование, информационная открытость.*

JEL: R58.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_47_61.

Введение: новые запросы экономики

В 2022 г. специальная военная операция (СВО) России на Украине многое изменила в экономическом ландшафте страны, выдвинула перед ней совершенно новые вызовы и поставила более масштабные задачи. Если даже до 2022 г. перед Россией стояла острейшая задача по запуску экономического роста в регионах, то СВО многократно обострила эту потребность. Между тем уже с 2002 г. в субъектах Федерации начали создаваться региональные корпорации развития (РКР), призванные выступить в роли посредника между властью, бизнесом и населением для облегчения и ускорения развития территорий. Это

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №20-010-00712-А).

достаточно перспективный и хорошо зарекомендовавший себя институт регионального развития, на который вполне правомерно возлагались большие надежды. К 2022 г. число РКР в России достигло 49, и можно было ожидать, что СВО должна резко повысить востребованность этого институционального задела и за счёт этого ослабить негативное влияние международных санкций. Однако текущие события показывают, что данные ожидания пока не оправдываются.

В связи с этим цель статьи состоит в рассмотрении сложившейся модели функционирования российских РКР, выявлении в ней слабых мест и разработке предложений по приданию действующему институту большего динамизма и результативности. Информационной основой исследования выступают авторские рейтинги российских РКР, составленные за 2016, 2020 и 2022 гг.

Корпорации и агентства регионального развития: миссия, разновидности, функции

Институтам регионального развития (ИРР) посвящено немало публикаций как в российской, так и зарубежной литературе. Ряд работ посвящён классификации ИРР, их роли и значению в системе макроэкономического регулирования [Татаркин, Котлярова, 2013; Балацкий, Екимова, Юревич, 2019; Полтерович, 2018], в других анализируются существующие организационно-правовые модели ИРР [Eroglu, Eroglu, Ozturk, Aydin, 2014] и их различные виды — региональные инвестиционные форумы [Балацкий, 2011; Балацкий, 2013; Юревич, 2020], авиашоу [Гусев, Доронина, 2020], проектное управление [Екимова, 2020a], институты догоняющего развития [Полтерович, 2016]. Однако большая часть работ сосредоточена на изучении опыта деятельности ИРР в разных странах и регионах, таких как, например, Турция [Toktas, Sevinc, Bozkurt, 2013], Великобритания [Halkier, 1992; Балацкий, 2012; Екимова, 2020b], Португалия [Salvador, Juliao, 2000], Австралия [Maude, Beer, 2000], Румыния [Benedek, Horvath, 2008], Казахстан [Балацкий, 2012; Гусев, Юревич, 2021], а также на проведении их сравнительного анализа [Eroglu, Eroglu, Ozturk, Aydin, et al., 2014; Toktas, Botoc, Kunu, Prozan, 2018].

При этом отмечается, что агентства регионального развития (АРР) и РКР различаются по функциональному признаку [Балацкий, Екимова, 2020]. Часть их сосредоточена на обеспечении регионального выравнивания внутри страны. В этом случае РКР выступают в роли посредника между правительством и регионом, транслируя интересы региона «наверх» и передавая денежные средства на развитие территории «сверху вниз». Изначально деятельность АРР была ориентирована на повышение конкурентоспособности местных фирм и рост занятости населения, однако в последующем они переориентировались на привлечение инвестиций в региональные производства и развитие высокотехнологичных отраслей. Подобная практика была широко распространена в Австрии, Нидерландах, Шотландии, Дании, Австралии [Halkier, 1992; Halkier, Danson M., Dambor, 1998; Балацкий, 2012; Maude, Beer, 2000].

Целью другой группы АРР являлось обеспечение экономического выравнивания внутри объединения стран. В частности, такие агентства были широко распространены в странах Центральной и Восточной Европы в период их присоединения к Евросоюзу [Ozen, 2005]. В их задачи входило выравнивание региональных дисбалансов и сокращение различий между уровнем развития стран — членов ЕС. Постепенно система АРР, созданная для преодоления отставания стран — кандидатов в ЕС, превратилась в эффективный инструмент реализации региональных стратегий внутри страны. Например, активная деятельность АРР в Румынии позволила сократить отставание душевого ВВП в стране относительно среднего по ЕС с 38,4% в 2006 г. до 66,0% в 2018 г. [Florescu, 2015].

Третья группа АРР сосредоточена на инновационном развитии страны с целью обеспечения её вхождения в число мировых лидеров. В данном случае речь идёт о генеральных агентствах развития, получивших широкое распространение в странах «экономического чуда» (Китай, Вьетнам, Ботсвана и др.) [Полтерович, 2016; Полтерович, 2018]. Как правило, их деятельность ориентирована на реализацию масштабных мегапроектов, позволяющих преодолевать отставание и совершать скачок в развитии, именуемый «экономическим чудом». При этом АРР выступает в качестве координатора всех участников мегапроекта (министерств, бизнес-сообщества, гражданского общества), способствуя повышению доверия между ними и росту эффективности их взаимодействия [Полтерович, 2020].

Российская практика деятельности АРР, представленных в форме РКР, берёт мощный старт с момента создания «Корпорации развития Дальнего Востока» в 2005 г. На текущий момент накоплен как положительный, так и отрицательный опыт их функционирования. Примером первого может выступать «Корпорация развития Республики Башкортостан», активно реализующая инвестиционные проекты в приоритетных для региона отраслях (сельское хозяйство, нефтехимия, логистика, туризм и др.) [Балацкий, Екимова, 2020]. Отрицательный аспект связан с РКР, которые по разным причинам прекратили своё существование в достаточно короткие сроки, не успев принести значимый вклад в развитие своей территории. Так, созданная в 2008 г. «Корпорация развития Восточной Якутии» с целью реализации проекта «Комплексное развитие Томпонского горнопромышленного района», предусматривающего создание промышленного кластера в одном из наименее развитых районов Республики Саха (Якутия), в 2011 г. прекратила своё существование, не сумев продвинуться в решении поставленных задач. Недолгим оказался век и «Корпорации развития Республики Бурятия», которая по прошествии трёх лет существования была закрыта ввиду отсутствия значимых результатов.

Формирование сети РКР в России

В настоящее время можно говорить о завершении предыдущей фазы развития РКР в России и выходе данного рынка на траекторию насыщения. На рис. 1 видно, что с 2016 г. — 2019 г. число РКР в России увеличилось с 45 до 49. То есть каждый год число указанных структур увеличивалось в среднем меньше, чем на одну единицу, а начиная с 2019 г. их число перестало расти, устойчиво закрепилось на данном плато и можно констатировать, что с этого момента наметилась стагнация рассматриваемого института развития.

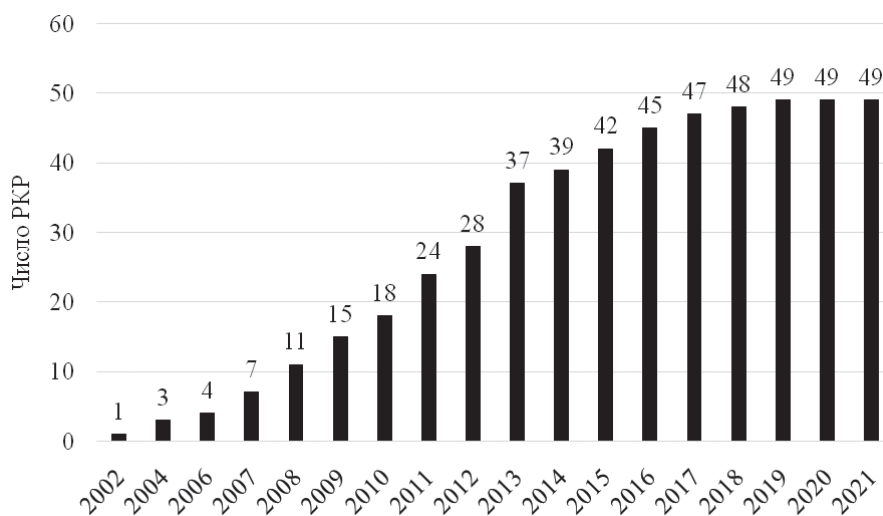

Рис. 1. Динамика числа российских РКР

Источник: составлено авторами

Такая ситуация никак не может считаться нормальной. Фактически РКР покрывают чуть больше половины всех регионов России, чего совершенно недостаточно. В литературе уже отмечалось, что если бы Россия имела сеть РКР плотностью территориального покрытия на уровне Австралии, то у неё должно было бы быть не менее 116 корпораций [Балацкий, Екимова, 2021]. Исходя даже из такого щадящего австралийского «стандарта», можно констатировать, что Россия выполняет его лишь на 42%.

Таким образом, российский рынок РКР начал стагнировать задолго до того, как он достиг своей зрелости. Это позволяет говорить, что с чисто количественной точки зрения институт РКР в России финишировал, не пройдя и половины отмеренной дистанции. При этом за 20 лет своего существования данный институт так и не оформился в самостоятельное институциональное движение. Например, до сих пор нет единого реестра отечественных РКР, нет единой информационной формы их отчётности и нет никаких унифицированных подходов к оценке эффективности их деятельности. Даже мониторинг сети существующих РКР представляет собой отдельную и весьма трудоёмкую процедуру. Так, простое задание в поисковых системах Интернета названия РКР по региону его размещения не даёт абсолютной гарантии результата. К примеру, институт регионального развития Ростовской области носит название АО «Региональная корпорация развития», Свердловской — АО «Корпорация развития Среднего Урала», Белгородской — АО «Корпорация “Развитие”», Архангельской — АНО АО «Агентство регионального развития».

Нельзя не отметить, что появление РКР в том или ином регионе, судя по всему, детерминируется весьма субъективными факторами без учёта реально складывающейся обстановки. Многие субъекты РФ обходятся без института РКР, стараясь заменить его прямыми взаимодействиями власти и бизнеса. Например, в Республике Тыва 28 мая 2022 г. в Кызыле был открыт памятник Будде, высотой в 16 м., весом в 26 т. и стоимостью без расходов на постамент, подъездные пути, мостовое сооружение и дороги в 119,6 млн руб. Это — знаковое событие для всего региона. Так, по словам главы Республики Тыва В. Ховалыга, историческое значение события определяется тем, что в географическом центре Азии, в месте рождения Енисея, установлена статуя основателя древнейшей мировой религии, что превращает монумент в место притяжения туристов и паломников из самых разных уголков мира. Инициатором проекта выступил министр обороны РФ С.К. Шойгу, а его реализация осуществлена при финансовой поддержке Фонда имени Кужугета Шойгу. При этом в работе над объектом приняли участие представители Ассоциации предприятий каменной отрасли России «Центр камня» и Национального центра управления обороной Российской Федерации, а также специалисты ООО ГК «Гранитинвест» и ОАО «СибирьПромГрупп»². На первый взгляд, было бы логично возложить координацию всех работ по запуску столь масштабного и знакового проекта на созданное в этих целях РКР Республики Тыва, особенно с учётом необходимости дальнейшего обустройства прилегающей территории и её последующей эксплуатации. Однако этого сделано не было. Учитывая потребность республики во всестороннем развитии, такая политика представляется своеобразной управленческой инерцией, хотя с момента появления отечественных РКР прошло уже 20 лет.

Таким образом, стагнация российского рынка РКР во многом связана с непониманием властями возможностей данного института развития и стремлением заменить его традиционными методами ручного управления.

² См.: <https://runews24.ru/kyzyl/28/05/2022/e336574676aa7f83fa3a2e8c0690d5de> (дата обращения 24 июня 2022 г.).

Информационная открытость РКР: противоречия и недостатки

Для лучшего понимания ситуации на рынке российских РКР в 2016 г. инициативной группой исследователей под эгидой Интернет-издания «Капитал страны» был разработан и составлен «Рейтинг информационной открытости региональных корпораций развития России» (РИОК)³. В 2020 г. работа над данным рейтингом продолжилась уже под патронажем Интернет-журнала «Неэргодическая экономика» и при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №20-010-K00712-A), за счёт чего исходный алгоритм РИОК был существенно модифицирован и усовершенствован. Результатом этой работы стала статья [Балацкий, Екимова, 2021], в которой были подведены промежуточные итоги деятельности РКР за период 2016–2020 гг. В 2022 г. указанный исследовательский проект продолжился, результатом чего стал обновлённый рейтинг за 2022 г.; алгоритм составления рейтингов в 2020 и 2022 гг. был одним и тем же.

Проведённая работа по учёту и рейтингованию российских РКР позволяет шире посмотреть на ретроспективу их работы, охватив период 2016–2022 гг. и выяснив особенности переломного момента 2022 г. после начала СВО. Результат проведённого рейтингования в 2022 г. приведён на рис. 2.

Однако сам по себе Рейтинг информационной открытости корпораций за 2022 г. мало информативен, в связи с чем проверим рейтинги за три ценовых года — 2016, 2020 и 2022 — на наличие между ними как обычной, так и ранговой корреляции. Расчёты приведены в табл. 1 (обозначение: КК — коэффициент корреляции).

Таблица 1
Корреляция РИОК по годам

Тип корреляции	Временной период		Критическое значение КК на уровне значимости 0,05
	2016–2020	2020–2022	
Стандартный КК	0,407	0,870	0,349
Ранговый КК Спирмена	0,166*	0,431	0,361

* КК статистически не значим.

Источник: составлено авторами.

Полученные результаты позволяют выявить довольно интересную картину. Как оказывается, за два года РИОК принципиально не меняется — ни на количественном (стандартный КК), ни на качественном (ранговый КК) уровнях. Однако за четыре года накапливаемые изменения приводят к принципиальной перестановке сил внутри РИОК: при сохранении органической, количественной связи между списками (значимый стандартный КК) качественно нарушается исходная система ранжирования РКР (незначимый ранговый КК). Об этом же свидетельствует довольно стабильное ядро регионов — лидеров РИОК. Например, 46,7% топ-15 РИОК 2016 г. оказалось в топ-15 РИОК 2020 г., а между 2020 и 2022 гг. «переходящее ядро» топ-15 составило уже 73,3%. Тем самым ядро регионов-лидеров со временем стабилизируется и на небольшом временном интервале вполне успешно удерживается.

Три волны РИОК позволяют также складывающуюся картину в сфере информационного обеспечения данного института развития. Для этого рассмотрим пять групп показателей и итоговый балл РКР; определим также долю корпораций, которые имели балл выше 1, что при переводе в качественную терминологию можно трактовать как признак «не так плохо». Результаты расчётов приведены в табл. 2, в которой используются

³ См.: <http://nonerg-econ.ru/cat/20/71/> (дата обращения 24 июня 2022 г.).

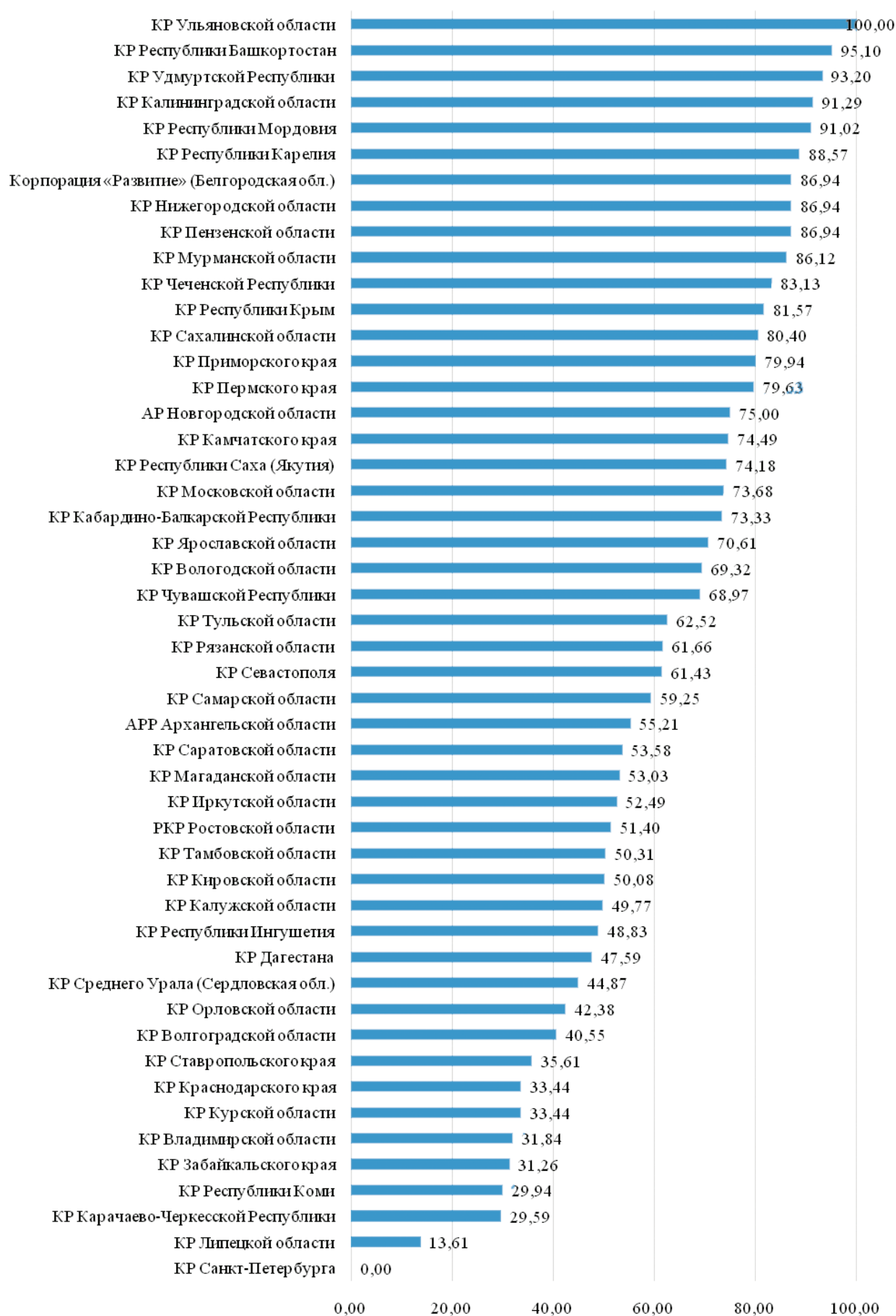

Рис. 2. Рейтинг российских РКР в 2022 г.

Источник: составлено авторами

следующие обозначения: N — общее число РКР в общероссийской сети; M — число РКР с баллом выше 1; P — доля РКР с баллом выше 1%⁴. Анализ данных таблицы 2 позволяет установить крайне противоречивый характер протекающих на рынке РКР процессов.

Таблица 2
Параметры информационной открытости сети российских РКР

Параметр информационного обеспечения РКР России	2016 г.			2020 г.			2022 г.		
	N	M	P	N	M	P	N	M	P
Наличие сайта	42	33	78,6	46	39	84,8	48	37	77,1
Информация о корпорации	42	11	26,2	46	15	32,6	48	22	45,8
Информация об инвестиционных проектах	42	13	30,9	46	18	39,1	43	20	46,5
Корпоративная отчётность	42	31	73,8	46	28	60,9	37	20	54,1
Международная открытость	42	4	9,5	46	12	26,1	28	13	46,4

Источник: составлено авторами.

Во-первых, доля РКР с собственным сайтом в 2020 г. достигла максимума и в 2022 г. уменьшилась даже по сравнению с 2016 г. Это говорит о наличии скрытой тенденции потери российскими РКР своей субъектности и самостоятельности с их постепенным превращением во вспомогательный элемент региональной инвестиционной платформы.

Во-вторых, настораживающий факт заметного ухудшения состояния дел в сфере корпоративной отчётности в период 2016–2020 гг. в 2022 г. превратился в устойчивую и явно выраженную тенденцию. Данное обстоятельство подтверждает вывод о потере российскими РКР хозяйственной субъектности и переходе их в теневую зону. Разумеется, такое положение дел не означает автоматического конфликта корпораций с законом, но и позитивно его истолковать также нельзя.

В-третьих, как позитивные смотрятся факты роста информации об РКР, их международной информационной открытости и возрастание объёма сведений о проектах. Вместе с тем указанные три показателя в 2022 г. так и не превысили отметку в 50%, что говорит о том, что работа по этим направлениям находится если и не в зачаточном состоянии, то и не в зрелой фазе. Учитывая важность трех показателей, можно утверждать, что их скромные величины подтверждают ранее сделанный предварительный вывод о стагнации рынка РКР не только в количественном плане (число общероссийской сети), но и в качественном (современное информационное обеспечение).

Сделанные выводы подводят к пониманию того, что функционирование российской сети РКР по-прежнему носит во многом стихийный характер и не соответствует современным требованиям.

Проектная деятельность РКР

Сопоставление рейтинга информационной открытости корпораций за три ценовых года позволяет обнаружить, что наибольшую активность демонстрировали РКР регионов, которые характеризуются объективно тяжёлыми географическими условиями хозяйствования (преимущественно северные районы страны). Тем самым информационную прозрачность

⁴ Напомним, что для оценки разных информационных признаков использовалась трехбалльная шкала: 0 — признак отсутствует; 1 — признак присутствует частично; 2 — признак присутствует.

демонстрировали те регионы, которые действительно остро нуждаются в инвестиционном сотрудничестве. При этом анализ структуры рейтингового показателя позволяет понять главную причину попадания корпорации (региона) на лидирующие позиции — достаточно хорошая презентация реализуемых проектов. Именно эта задача является главной для РКР. Следовательно, те из них, которые активно вели проектную деятельность, достойно её представляли на своих сайтах, и именно они оказались в числе лидеров. На рис. 3 представлен рейтинг прозрачности инвестиционных проектов. Учитывая, что вариативность индекса прозрачности инвестиционных проектов РКР находится в интервале [0; 2], то и репутация регионов в РИОК в значительной мере зависит от проектной работы корпораций.

Различия между российскими РКР по потенциалу проектной деятельности хорошо видны из данных табл. 3. Например, накопленный эффект реализованных проектных инициатив «Корпорации развития Мурманской области» почти в 30 раз ($178/6 \approx 30$) больше, чем у «Корпорации развития Республики Ингушетия». Весьма значителен разрыв между регионами и по линии намечаемых инициатив. Так, проектная активность «Корпорации развития Нижегородской области» в 12 раз выше по сравнению с «Корпорацией развития Республики Карелия». Вместе с тем следует отметить, что такие расхождения связаны с тем фактом, что деятельность многих РКР идёт в тесном сотрудничестве с иными инвестиционными командами региона, в результате чего информация о проектах может содержать

Таблица 3
Интенсивность проектной деятельности российских РКР

Корпорации	Тип инициативы	
	истории успеха (завершённые/ реализуемые)	проектные
АО «Корпорация развития Ульяновской области»	20	33
АО «Корпорация развития Республики Башкортостан»	21	27
АО «Корпорация развития Удмуртской Республики»	47	14
АО «Корпорация развития Калининградской области»	13	8
ООО «Корпорация развития Республики Мордовия»	58	65
АО «Корпорация развития Республики Карелия»	10	7
АО «Корпорация развития Пензенской области»	172	65
АО «Корпорация развития Мурманской области»	178	35
АО «Корпорация развития Сахалинской области»	11*	
АО «Корпорация развития Кабардино-Балкарской Республики»	34	18
АО «Корпорация развития Ярославской области»	12	17
АО «Корпорация развития Республики Ингушетия»	6	25
АО «Корпорация «Развитие»»	10	34
АО «Корпорация развития Нижегородской области»	96	84
АО «Корпорация развития Чеченской Республики»	40	29
ПАО «Корпорация развития Чувашской Республики»	132	11

* Информация об инвестиционных объектах, которые уже частично реализованы, но требуют дополнительных инвестиций на их дальнейшую реализацию.

Источник: составлено авторами.

Региональные корпорации развития в России: финиш или рестарт?

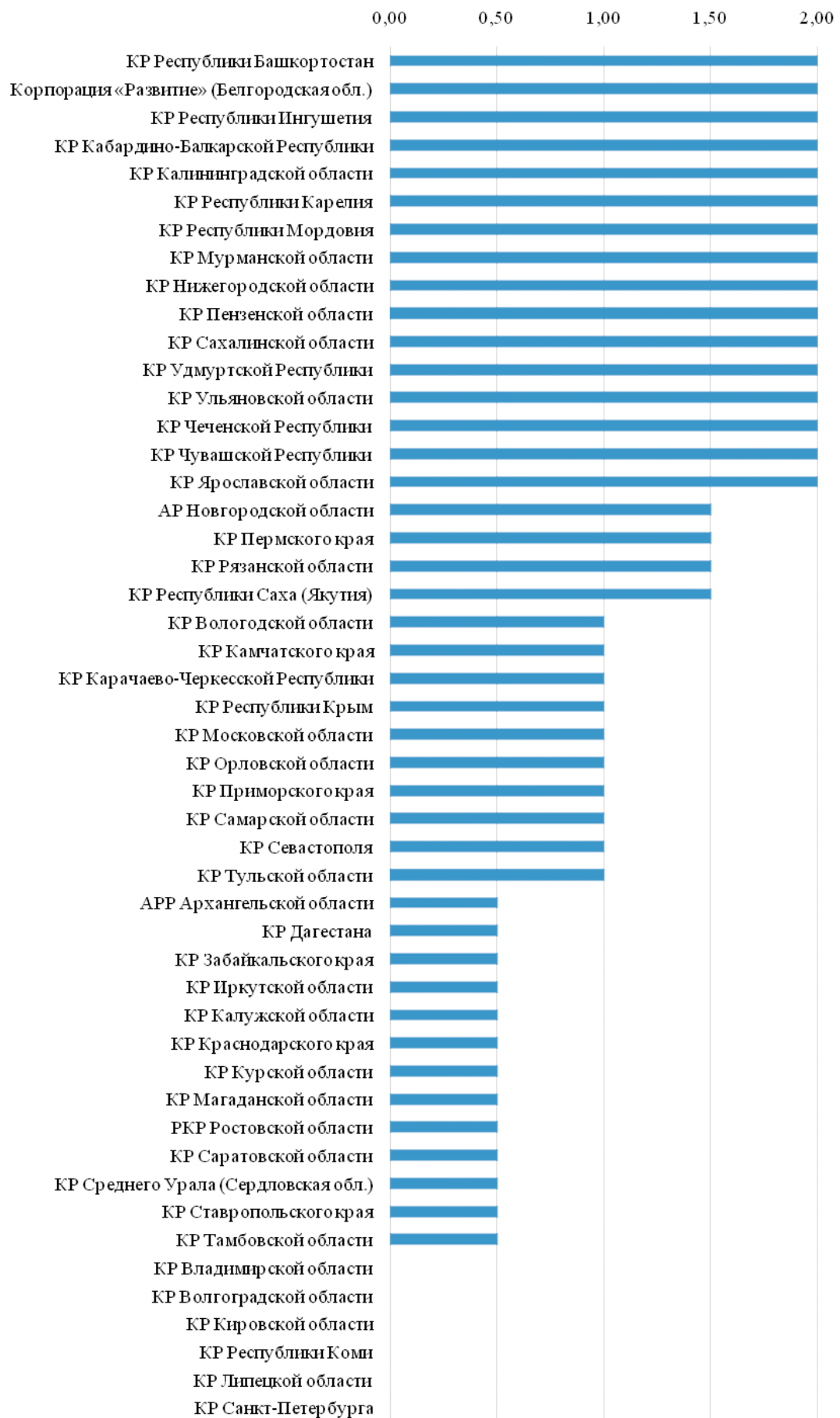

Рис. 3. Рейтинг российских РКР по индексу прозрачности инвестиционных проектов в 2022 г.

Источник: составлено авторами

сведения обо всех проектах региона, а не только о тех, что реализуются с помощью РКР. Например, активация клавиши «Проекты» на сайте «Корпорации развития Мурманской области» перемещает пользователя на «Инвестиционный портал Мурманской области», где и содержатся данные о 212 инвестиционных проектах. Кроме того, как уже отмечалось, в ряде случаев РКР не имеют собственных сайтов, а представлены на едином инвестиционном портале региона в числе его инвестиционной команды (например, «Корпорация развития Нижегородской области»).

Деятельность РКР: ключевые достоинства и недостатки

В настоящее время уже достаточно хорошо ясно, что изначальная миссия российских РКР оказалась не только невыполненной, но и не до конца понятой. Согласно самой сути, РКР должны выступать в роли цивилизованного посредника между региональной властью, бизнесом и населением. При этом РКР, будучи специфическим институтом регионального развития, должны иметь очень высокий управленческий статус, находясь над региональными ведомствами и координируя их работу с бизнесом. При этом важнейшая функция РКР состоит в формировании экономического *образа будущего* своего региона и *планирования* множества мероприятий, которые позволят воплотить этот образ в жизнь. В свою очередь указанная функция РКР предопределяет их *не реактивную, а проактивную* позицию, состоящую в том, что именно они *инициируют* жизненно важные для региона проекты и *привлекают* к их выполнению различные местные бизнес-группы. По мере реализации запускаемых проектов РКР координируют интересы и действия всех участников, включая власти региона, бизнеса и населения. Предполагается, что такое согласование интересов разноплановых участников может потребовать каких-то косвенных уступок властей в пользу предпринимателей (льготы по налогам, арендным тарифам, ценам на сырье и т.п.) или прямых стимулов (софинансирование проектов, затраты на смежную инфраструктуру, выделение территории под производство на выгодных условиях и т.п.). Однако именно эти ожидания в отношении РКР оказались напрасными.

Опыт показывает, что российские РКР постепенно снизили градус своего участия в региональной экономике, оставив за собой функции одобрения и минимальной финансовой поддержки уже готовых проектных предложений, консультации малого бизнеса, сопровождения инвестиционных проектов по принципу «одного окна», организации взаимодействия инвесторов, власти и финансовых организаций, оказания помощи в оформлении документов и подборе инвестиционных площадок. Об этом свидетельствуют сайты РКР Волгоградской и Новгородской областей, Карачаево-Черкесской Республики и др.

Сказанное позволяет констатировать, что каноническая модель РКР в России потерпела поражение и не смогла обеспечить те результаты, которые в ней потенциально заложены. В этом контексте правомерно говорить, что предыдущая модель российских РКР завершилась с неудовлетворительным результатом, даже не пройдя стадии триумфа. Вместе с тем это не позволяет поставить крест на столь перспективном институте развития, как РКР.

Было бы неверно говорить, что отечественные РКР дали почти нулевой результат. Фактически создание российской сети РКР стало важным институциональным экспериментом, который, как и следовало ожидать, дал в том числе и некоторые совершенно неожиданные положительные примеры. Наиболее ярким из них, на наш взгляд, является случай «Корпорации развития Чеченской Республики». Данное РКР выставляет на инвестиционном портале региона список проектов, которые нуждаются в инвестиционной поддержке. Причём практически все проекты являются уже действующими и не предполагают запуск с нуля с сопутствующим этому высоким риском. Например, предлагается проект «Модернизация производства систем сохранения энергии мощностью 30 МВт*ч в год»,

инициатором которого выступает АО «Вайн-ЛИА», где работают квалифицированные специалисты, прошедшие специальное обучение на действующих производствах в Южной Корее и в Китае; на проект требуется 500 млн руб.⁵ Другой пример: проект «Тепличный комплекс «Вайлат» площадью 10 га в селе Мескер-Юрт Шалинского района Чеченской Республики, инициатором которого является ООО «Чечентеплица»; проект включён в перечень приоритетных инвестиционных проектов Чеченской Республики, проведены планировочные и бетонные работы, имеются артезианская скважина, склад хранения химикатов; инвестировано 170 млн руб. собственных средств; на проект требуется 511 млн руб.⁶ Такая демократичная система приглашения инвесторов на предприятия реального сектора экономики является хорошим примером «сбора» проектной и инвестиционной инициативы бизнес-сообщества в нужном для региона направлении.

Вместе с тем, проекты «Корпорации развития Чеченской Республики» предполагают одно важное поле для заполнения: условия инвестирования. Однако в подавляющем большинстве это поле остаётся незаполненным. Но есть и первые исключения из правила. Например, проект «Строительство завода по производству полипропиленовых труб и строительных материалов в Шейх-Мансуровском районе г. Грозного, ул. Коперника», инициатором которого выступает ООО ПКФ «ДИЗАМ», требует 100 млн руб.; 15 млн руб. инвестировано за счёт собственных средств предприятия. В поле «Условия» указано: 1. Возврат вложенных средств по договору Мудараба; 2. Скидка на продукцию в 20% на 1 год⁷. Тем самым инициатор проекта предлагает присоединиться к проекту на условиях так называемой мударабы — особого вида партнёрства, где один партнёр предоставляет денежные средства другому партнёру с целью их инвестирования в коммерческое предприятие. Партнёра, который инвестирует средства, называют *рабб-уль-маль*, а управление и осуществление хозяйственной деятельности являются исключительной обязанностью второй стороны, именуемой *мудариб*. Мудараба относится к типу «доверительного управления финансами», или пассивному партнерскому договору, и требует согласования с самого начала пропорции, в которой между сторонами будет распределяться фактическая прибыль⁸. Тем самым «Корпорация развития Чеченской Республики», помимо всего прочего, реализует идею *народного капитализма*, которая в последнее время становится всё более популярной и у которой, на наш взгляд, большое будущее в России.

Вне всякого сомнения, опыт «Корпорации развития Чеченской Республики» находится в самом начале внедрения новой модели развития региона на основе принципов народного капитализма. Однако, если этот принцип получит широкое распространение в регионах страны, то идея России как социального государства получит свою реализацию в наиболее адекватной форме.

Заключение: перезапуск российских РКР

Взгляд на двадцатилетнюю историю существования в России института РКР показывает, что он исчерпал свой изначальный потенциал. Это во многом связано с неопределенностью изначальной миссии данного типа ИРР. Указанные структуры не стали средством для выравнивания экономического положения регионов России, не стали они

⁵ См.: <https://invest-chechnya.ru/investor/showcase/promyshlennost/modernizaciya-proizvodstva-sistem-sohraneniya-energii-moschnostyu-30mvtch-v-god.html#> (дата обращения 24 июня 2022 г.).

⁶ См.: <https://invest-chechnya.ru/investor/showcase/promyshlennost/teplichnyy-kompleks-vaylat-ploschadyu-10-ga-v-s-mesker-yurt-shalinskogo-rayona-chechenskoy-respublik.html> (дата обращения 24 июня 2022 г.).

⁷ См.: <https://invest-chechnya.ru/investor/showcase/promyshlennost/kopiya-stroitelstvo-zavoda-po-proizvodstvu-polipropilenovyh-trub-i-stroitelnyh-materialov-v-sheyh-ma.html> (дата обращения 24 июня 2022 г.).

⁸ См.: <https://islam.ru/content/economica/30922> (дата обращения 24 июня 2022 г.).

и эффективным посредником между «верхами» (региональными властями) и «низами» (предпринимателями региона). Не смогли они выполнить функцию органа планирования экономического развития региона и определения его стратегических приоритетов, не потянули и миссию драйверов экономического роста или инновационного преобразования экономики субъектов РФ. Отечественные РКР ограничились функцией поддержки малого бизнеса и оказанием консультационных услуг предприятиям. Этого совершенно недостаточно в нынешних условиях масштабных международных санкций, когда требуется фактически полное воссоздание производственного сектора национальной экономики.

Сказанное позволяет говорить, что институт РКР к настоящему моменту финишировал без заметных достижений. Вместе с тем пройденный РКР путь кое-что показал — наиболее прогрессивные из них превратились в своеобразные проектные офисы, которые отбирают и презентуют на своих информационных площадках «живые» (действующие) проекты реального сектора экономики. Эти проекты получают статус приоритетных и пользуются поддержкой на всех уровнях власти региона. Эта акция предоставляет большой выбор инвесторам, причём для прямых инвестиций, двигающих производство. Кроме того, подобное многообразие инвестиционных предложений может служить основой для построения народного капитализма, когда предприятия реального сектора оказываются в долевом владении больших масс трудового населения. В этом смысле нынешние РКР могут осуществить не окончательный финиш своей деятельности, а её рестарт в обновлённой форме — как институт построения народного капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

- Балацкий Е.В. (2011). Региональные инвестиционные форумы России: оценка привлекательности // Мир измерений. №11(129). С. 42-50.
- Балацкий Е.В. (2012). Агентства регионального развития и их особенности: международный опыт // Капитал страны. http://kapital-rus.ru/articles/article/agentstva_regionalnogo_razvitiya_i_ih_osobennosti_mezhdunarodnyj_opyt/ (дата обращения: 18.06.2022).
- Балацкий Е.В. (2013). Инвестиционные форумы России как институт регионального развития // Журнал новой экономической ассоциации. №2(18). С. 101-128.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2020). Современные формы активизации экономического роста в регионах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. №3. С. 74–92. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.6.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2021). Информационная открытость региональных корпораций развития в России: тренды и прогнозы // Экономическая наука современной России. № 1(92). С. 23-39. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-1(92)-23-39.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А., Юревич М.А. (2019). Становление в России институтов регионального развития // Муниципальная академия. №3. С. 95–100.
- Гусев А.Б., Доронина Е.Г. (2020). Авиашоу как драйвер регионального развития // Journal of Economic Regulation. Т. 11. №2. С. 83–98. DOI: 10.17835/2078-5429.2020.11.2.083-098.
- Гусев А.Б., Юревич М.А. (2021). Региональные корпорации развития: зарубежный опыт и российская практика // Journal of Institutional Studies. Т. 13. № 3. С. 69–80. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.3.069-080.
- Екимова Н.А. (2020а). Проектное управление как фактор активизации экономического роста в регионах // Экономика. Налоги. Право. Т. 13. №3. С.112–122. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-112-122.
- Екимова Н.А. (2020б). Институты регионального развития: опыт Великобритании // Journal of Institutional Studies. Т. 12. № 3. С. 42–59. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.3.042-059.
- Полтерович В.М. (2016). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. №5(47). С.34–56. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.2.
- Полтерович В.М. (2018). Федеральное агентство развития: оно необходимо для разработки и реализации успешных стратегий // Проблемы теории и практики управления. №3. С. 35–41.
- Полтерович В.М. (2020). Реформа государственной системы проектной деятельности, 2018–2019 годы // Terra Economicus. Т. 18. №1. С. 6–27. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-6-27.
- Татаркин А.И., Котлярова С.Н. (2013). Региональные институты развития как фактор экономического роста // Экономика региона. №3(35). С. 18-26. DOI: 10.17059/2013-3-1.

- Юревич М.А. (2020). Институт инвестиционных форумов: передовой зарубежный опыт // Вопросы регулирования экономики. Т. 11. №2. С. 73-82. DOI: 10.17835/2078-5429.2020.11.2.073-082.
- Benedek J., Horvath R. (2008). Regional Development in Romania // EU regional policy after enlargement / M. Baun, D. Marek (Eds) — Basingstoke: Palgrave Macmillan. Pp. 226-247. <https://www.regionalstudies.org/wp-content/uploads/2018/07/countryreps-romania.pdf> (дата обращения: 18.06.2022).
- Eroglu N., Eroglu I., Ozturk M., Aydin H.I. (2014). Development Agencies on the Way to Regional Development: Romania-Turkey Comparison // Procedia of Economics and Business Administration. Vol. 1. No. 1. Pp. 214-221.
- Florescu I.C. (2015). The regional development in Romania based on the European Union funds for 2014-2020. In: The 26th International Business Information Management Association Conference. — Madrid. https://www.researchgate.net/publication/303819710_The_regional_development_in_Romania_based_on_the_European_Union_funds_for_2014-2020/ (дата обращения: 18.06.2022).
- Halkier H. (1992). Development Agencies and Regional Policy: The Case of the Scottish Development Agency // Regional Politics and Policy. Vol. 2. No. 3. Pp. 1-26. DOI:10.1080/13597569208420846.
- Halkier H., Danson M., Dambor C. (1998). Regional development agencies in Europe. — London: Jessica Kingsley. DOI:10.4324/9781315000206.
- Maude A., Beer A. (2000). Regional Development Agencies in Australia: A Comparative Evaluation of Institutional Strengths and Weaknesses // The Town Planning Review. Vol. 71. No. 1. Pp. 1-24. DOI:10.3828/tpr.71.1.y722741518171674.
- Özen P. (2005). Bölge kalkınma ajansları. — TEPAV. https://www.tepav.org.tr/upload/files/1271245092r8246.Bolgesel_Kalkinma_Ajanslari.pdf (дата обращения: 18.06.2022).
- Salvador R., Juliao R.P. (2000). Regional Development Agencies in Portugal. In: 40th Congress of the European Regional Science Association «European Monetary Union and Regional Policy». https://pdfs.semanticscholar.org/cc18/61711fafa6beaea0bae1e0ad8cc39a9a0dc6.pdf?_ga=2.42817901.919716742.1587215455-1302553556.1585572547 (дата обращения: 18.06.2022).
- Toktas Y., Botoc C., Kunu S., Prozan R. (2018). The Regional Development Agency Experiences of Turkey and Romania // Business and Economics Research Journal. Vol. 9. No.2. Pp. 253-270. DOI:10.20409/berj.2018.103.
- Toktas Y., Sevinc H., Bozkurt E. (2013). The Evolution of Regional Development Agencies: Turkey Case // Annales Universitatis Apulensis Series Oeconomica. Vol. 15. Iss. 2. Pp. 670-681.

Балацкий Евгений Всеволодович

evbalatskij@fa.ru

Evgeny V. Balatsky

Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Central Economics and Mathematics Institute of RAS (Moscow)

evbalatskij@fa.ru

Екимова Наталья Александровна

n.ekimova@bk.ru

Nataly A. Ekimova

PhD of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

n.ekimova@bk.ru

REGIONAL DEVELOPMENT AGENCIES IN RUSSIA: FINISH OR RESTART?

Abstract. The massive international sanctions imposed on Russia in 2022 because of the special military operation in Ukraine have exacerbated the problem of economic growth and investment hunger. These problems were meant to be solved, at least in part, by the regional development agencies (RDAs) already created 20 years ago. The article attempts to assess the performance of this institution of regional development in a broad retrospective. For this purpose three waves of the author's Rating of Information Openness of the RDA of Russia for 2016, 2020 and 2022 are used. The calculations show that the Russian RDA market has come to a quantitative and qualitative saturation, when neither the number of such structures, nor the effectiveness of their work is growing. This circumstance allows us to conclude that the RDA movement in its present form is finished, and that they are unable to solve the large-scale challenges of 2022. At the same time, the accumulated practice of RDAs' functioning allows us to detect an imminent restart of their activities on a somewhat different basis - as project offices for involving regional residents in the construction of the so-called "people's capitalism". The broad manifestation of the region's priority projects, supported by local authorities, makes it possible to offer a wide choice to a class of investors and to involve the general public in investing in enterprises of the real sector on a shared basis.

Keywords: *regional policy, development agencies, regional development institutions, rating, information openness.*

JEL: R58.

REFERENCES

- Balatsky E.V. (2011). Regional'nye investitsionnye forumy Rossii: otsenka privlekatel'nosti [Regional investment forums of Russia: assessment of attractiveness] // *Mir izmerenii*. No. 11(129). Pp. 42-50. (In Russ.).
- Balatsky E.V. (2012). Agentstva regional'nogo razvitiya i ikh osobennosti: mezhdunarodnyy opyt [Regional development agencies and their features: international experience] // *Nation's Capital*. http://kapital-rus.ru/articles/article/agentstva_regionalnogo_razvitiya_i_ikh_osobennosti_mezhdunarodnyj_opyt/ (access date: 18.06.2022). (In Russ.).
- Balatsky E.V. (2013). Investitsionnye forumy Rossii kak institut regional'nogo razvitiya [Russian Investment Forums as the Regional Development Institute] // *Journal of the New Economic Association*. No.2(18). Pp. 101-128. (In Russ.).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2020). Modern ways to boost economic growth in regions [Modern forms of enhancing economic growth in the regions] // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 13. No. 3. Pp. 74–92. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.6. (In Russ.).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2021). Informatsionnaya otkrytost' regional'nykh korporatsii razvitiya v Rossii: trendy i prognozy [Information Openness of Regional Development Agencies in Russia: Trends and Forecasts] // *Economics of Contemporary Russia*. No. 1(92). Pp. 23-39. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-1(92)-23-39. (In Russ.).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A., Yurevich M.A. (2019). Stanovlenie v Rossii institutov regional'nogo razvitiya [Formation of regional development institutes in Russian] // *Municipal Academy*. No. 3. Pp. 95-100. (In Russ.).
- Benedek J., Horvath R. (2008). Regional Development in Romania // EU regional policy after enlargement / M. Baun, D. Marek (Eds.) — Basingstoke: Palgrave Macmillan. Pp. 226-247. <https://www.regionalstudies.org/wp-content/uploads/2018/07/countryreps-romania.pdf> (access date: 18.06.2022).
- Ekimova N.A. (2020a). Proyektnoye upravleniye kak faktor aktivizatsii ekonomicheskogo rosta v regionakh [Project management as a factor of economic growth activation in the regions] // *Economics, taxes & law*. Vol. 13. No. 3. Pp. 112-122. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-112-122. (In Russ.).
- Ekimova N.A. (2020b). Instituty regional'nogo razvitiya: opyt Velikobritanii [Regional development agencies of the United Kingdom] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 12. No. 3. Pp. 42-59. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.3.042-059. (In Russ.).
- Eroglu N., Eroglu I., Ozturk M., Aydin H.I. (2014). Development Agencies on the Way to Regional Development: Romania-Turkey Comparison // *Procedia of Economics and Business Administration*. Vol. 1. No. 1. Pp. 214-221.
- Florescu I.C. (2015). The regional development in Romania based on the European Union funds for 2014-2020. In: The 26th International Business Information Management Association Conference. Madrid. https://www.researchgate.net/publication/303819710_The_regional_development_in_Romania_based_on_the_European_Union_funds_for_2014-2020/ (access date: 18.06.2022).
- Gusev A.B., Doronina E.G. (2020). Aviashou kak draiver regional'nogo razvitiya [Airshow as a Driver of Regional Development] // *Journal of Economic Regulation*. Vol. 11. No. 2. Pp. 83–98. (In Russ.).
- Gousev, A.B., Yurevich, M.A. (2021). Regional'nye korporatsii razvitiya: zarubezhnyi opyt i rossiiskaya praktika [Regional development corporations: Foreign experience and Russian practice] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 13. No. 3. Pp. 69–80. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.3.069-080. (In Russ.).
- Halkier H. (1992). Development Agencies and Regional Policy: The Case of the Scottish Development Agency // *Regional Politics and Policy*. Vol. 2. No. 3. Pp. 1-26. DOI:10.1080/13597569208420846.
- Halkier H., Danson M., Dambor C. (1998). *Regional development agencies in Europe*. — London: Jessica Kingsley. 374 p. DOI:10.4324/9781315000206.
- Maude A., Beer A. (2000). Regional Development Agencies in Australia: A Comparative Evaluation of Institutional Strengths and Weaknesses // *The Town Planning Review*. Vol. 71. No. 1. Pp. 1-24. DOI:10.3828/tpr.71.1.y722741518171674.
- Özen P. (2005). Bölge kalkınma ajansları. — TEPAV. https://www.tepav.org.tr/upload/files/1271245092r8246.Bolgesel_Kalkinma_Ajanslari.pdf (access date: 18.06.2022). (In Turkish).
- Polterovich V.M. (2016). Instituty dogonyayushchego razvitiya (k proektu novoi modeli ekonomicheskogo razvitiya Rossii) [Institutions of catching-up development (on the project of a new model for economic development of Russia)] // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 5. Pp. 34-56. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2018). Federal'noe agentstvo razvitiya: ono neobkhodimo dlya razrabotki i realizatsii uspekhnykh strategii [Federal Development Agency: It is Needed to Design and Implement Successful Strategies] // *International Journal of Management Theory and Practice*. No. 3. Pp. 35-41. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2018). Reforma gosudarstvennoi sistemy proektnoi deyatelnosti, 2018–2019 gody [Reform Of The Project Activity State System, 2018-2019] // *Terra Economicus*. Vol. 18. No.1. Pp. 6–27. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-6-27. (In Russ.).
- Salvador R., Juliao R.P. (2000). Regional Development Agencies in Portugal. In: *40th Congress of the European Regional Science Association «European Monetary Union and Regional Policy»*. https://pdfs.semanticscholar.org/cc18/61711fafa6beaea0bae1e0ad8cc39a9a0dc6.pdf?_ga=2.42817901.919716742.1587215455-1302553556.1585572547 (access date: 18.06.2022).

- Tatarkin A.I., Kotlyarova S.N.* (2013). Regional'nye instituty razvitiya kak faktor ekonomicheskogo rosta [Regional Development Institutions as an Economic Growth Factors] // *Economy of Region*. Vol. 3(35). Pp. 18-26. DOI: 10.17059/2013-3-1. (In Russ.).
- Toktas Y., Botoc C., Kunu S., Prozan R.* (2018). The Regional Development Agency Experiences of Turkey and Romania // *Business and Economics Research Journal*. Vol. 9. No.2. Pp. 253-270. DOI:10.20409/berj.2018.103.
- Toktas Y., Sevinc H., Bozkurt E.* (2013). The Evolution of Regional Development Agencies: Turkey Case // *Annales Universitatis Apulensis Series Oeconomica*. Vol. 15. Iss. 2. Pp. 670–681.
- Yurevich M.A.* (2020). Institut investitsionnykh forumov: peredovoi zarubezhnyi opyt [Institute of Investment Forums: Advanced Foreign Experience] // *Journal of Economic Regulation*. Vol. 11. No. 2. Pp. 73-82. DOI: 10.17835/2078-5429.2020.11.2.073-082. (In Russ.).